

УДК 82-3

СООТНОШЕНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО В КНИГЕ ОЧЕРКОВ «ФРЕГАТ „ПАЛЛАДА“» И. А. ГОНЧАРОВА

© Екатерина Шевчугова

THE RATIO OF FICTION AND NONFICTION IN I. A. GONCHAROV'S BOOK OF ESSAYS "FRIGATE "PALLADA"

Ekaterina Shevchugova

The article describes fictional and nonfictional elements in "Frigate "Pallada", the book of essays by I. A. Goncharov. This work is based on documentary evidence of the Russian squadron round-the-world expedition under Admiral E. V. Putyatin's command, in which the writer took part as a secretary. Goncharov regularly sent home official reports and letters to his friends, describing the voyage. These documents together with the author's personal impressions were included into the final, already fictional text of "Frigate "Pallada", making up a unique fusion of fiction and nonfiction. From the very first, Goncharov positioned his book as a fictional text. It had been conceived and planned prior to the voyage, being one of the motives behind the writer's participation in the circumnavigation. The complicated nature of "Frigate "Pallada" affected its perception by the author's contemporaries: its readers, especially Goncharov's companions on the frigate, sometimes mistakenly considered it to be the navigation document, and expressed their surprise at the distortion of real facts, which turned the hazardous navigation into a "pleasure walk". At the same time, during the author's lifetime, literary criticism truly attributed the text as a work of fiction where the facts are reinterpreted by its creator and viewed through the prism of the author's conception. When the book was being reprinted, Goncharov made numerous corrections, and their analysis confirms that the discourse was changed. The author excluded I-statements, emotional passages, and bright impressions of the story-teller, thus making the character of the narration more objective, bringing it back to nonfiction.

Keywords: I. A. Goncharov, book of essays "Frigate "Pallada", history of creation, documentary sources, editions, author's editing.

Статья посвящена описанию соотношения документальных и художественных элементов в книге очерков И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“». Произведение создавалось на основе документальных свидетельств кругосветной экспедиции русской эскадры под командованием адмирала Е. В. Путятина, в которой писатель выступил в качестве секретаря. Гончаров регулярно отправлял на родину официальные отчеты о ходе плавания и письма к друзьям. Эти документы вкупе с личными впечатлениями автора вошли в ткань повествования окончательного, уже художественного, текста «Фрегата...», составив уникальный документально-художественный сплав. Книга сразу позиционировалась Гончаровым как текст художественный и была задумана, запланирована до путешествия, явившись одним из мотивов участия писателя в плавании. Сложный характер «Фрегата...» отразился на восприятии современниками: читатели, особенно товарищи Гончарова по фрегату, подчас ошибочно считали его документом плавания, удивляясь искажению реальных фактов, превративших полное опасностей плавание в «увеселительную прогулку». При этом прижизненная критика верно атрибутировала текст как художественное произведение, где факты переосмыслены создателем, пропущены через призму авторской концепции. В ходе переизданий книги Гончаров вносил в текст множество исправлений, анализ которых свидетельствует об изменении дискурса. Исключаются Я-высказывания, эмоциональные пассажи, яркие впечатления рассказчика, за счет чего характер повествования меняется в сторону объективации, происходит своего рода «возвращение» к документальности.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, книга очерков «Фрегат „Паллада“», история создания, документальные источники, редакции, авторская правка.

«Фрегат Паллада» – произведение уникальное для всего творчества И. А. Гончарова. Впервые, это любимый текст автора [И. А. Гонча-

ров в воспоминаниях современников, с. 190], который выдержал 5 только прижизненных изданий, текст, обласканный критикой, не достав-

лявший писателю хлопот, только радости, включенный в антологии детской литературы XIX века, на протяжении десятилетий не теряющий этнографической любозытности. Сам Гончаров свидетельствует, что эта книга «как роза без шипов, принесла мне самому много приятного или, лучше сказать, одно приятное, не причинив ни одного огорчения» [Алексеев, с. 232]. А современный исследователь С. Н. Гуськов, зная уже всю историю жизни текста, добавляет: «История создания, издания и восприятия критикой „Фрегата...“ светла и безоблачна» [Гуськов, с. 9].

Во-вторых, ни в одном другом произведении Гончарова не отразился так сплав документального и художественного дискурсов. Это обусловлено самой жанровой спецификой книги очерков. Так, М. Г. Шадрина полагает, что документальность – один из жанровых признаков «путешествий», за счет того, что «автор и герой-путешественник нерасчленимы, они, по сути дела, составляют одно и то же лицо» [Шадрина, с. 42]. В гончароведении документальность «Фрегата...» традиционно оценивается через жанровый синкретизм текста: исследователями обнаруживаются не только элементы писем к друзьям, но и дневниковых записей, заметок, газетных зарисовок и даже научных справок (см. об этом: [Гуськов, с. 10]).

Мы предлагаем несколько иной ракурс рассмотрения темы: через специфику повествования, авторский дискурс. В статье доказывается, что характер текста на протяжении жизни Гончарова смещался сначала в сторону художественности, затем в противоположную – в сторону актуализации документальности. Это отразило изменение авторского взгляда на творчество и мир в целом. Новизна исследования определяется использованием текстологического анализа черновиков и вариантов книги очерков для выявления изменений характера повествования.

Вхождение значительного документального материала в текст связано с историей создания книги. Писатель на протяжении почти двух лет (1852–1854 гг.) состоял секретарем миссии адмирала Путятина во время кругосветного путешествия на фрегате «Паллада». Решение писателя-домоседа было вполне внезапным, и по этому поводу есть исторический анекдот: по воспоминаниям С. И. Смирновой-Сазоновой, поехать Гончарова уговаривали чуть не всем миром, на его возражения о том, что он боится качки, парировали: великий князь переделал для секретаря особым образом каюту, деньги уже затрачены. Писатель побоялся, что деньги вычтут у него из жалования, и – согласился [Орнатская, с. 400]. Потом регулярно отправлял письма из круго-

светного плавания, настойчиво прося корреспондентов (например, письмо Майковым от 20 ноября / 2 декабря 1852 г., письмо Э. А. Белавиной 30 июля / 20 августа 1853 г. и др.) сохранить их для работы над будущей книгой, создание которой было запланировано им еще до начала путешествия. Т. И. Орнатская называет именно это главной причиной решения писателя отправиться в плавание [Орнатская, с. 402]. Вернувшись в Петербург, Гончаров попросил друзей вернуть ему первые письма (см. об этом: [Туниманов, с. 468–469]). Подробнейшим образом ход работы над текстом изложен в примечаниях В. А. Туниманова.

Заметим, такой характер творческого процесса не типичен для Гончарова, хотя исследователи и называют часто его эпистолярный «лабораторией», в которой вызревали художественные тексты. Это, действительно, справедливо по отношению к переписке, но документы никогда не играли существенной роли в творческом процессе Гончарова: писатель не работал в архивах, не изучал исторические памятники, он считал себя художником. В этом отношении книга очерков – текст особый: он, помимо эпистолярная, соотносится с корпусом официальных документов, отчетов экспедиции, которые Гончаров вел в качестве секретаря. Писатель делал и официальный отчет для государя после окончания экспедиции. Этот корпус текстов стал доступен в Полном собрании сочинений и писем И. А. Гончарова.

Наличие серьезной документальной основы книги очерков неожиданным образом отразилось на характере повествования и на читательском ожидании от книги. После публикации «Фрегата „Паллада“» некоторые моряки, члены команды, были обескуражены, обижены тем, как упростил и облегчил Гончаров в описаниях невзгоды плавания: сразу после отплытия из Кронштадта обнаружилась холера, от которой умерли трое моряков; выпал за борт и утонул один из унтер-офицеров, фрегат сел на мель и был на краю гибели, получил серьезные повреждения, сам корабль был ко времени плавания довольно старым и ненадежным судном, вплоть до прогнившего корпуса, фрегат постоянно ремонтировался, случилась потеря провианта и поломка опреснителя, добавила хлопот и разношерстная, собранная в последний момент и недостаточно сработавшаяся команда, наконец, в 1854 году произошло резкое обострение международной обстановки, и существовала реальная опасность английского плена (в это время происходит объявление войны Турцией, разрыв дипломатических отношений с Англией и Францией) [Гончаров, т. 3, с. 404–407], снова болезни – тиф и цинга. Приве-

дем одну цитату, которая проясняет реакцию команды:

Дорогой, для развлечения, нам хотелось принять участие в войне и поймать французское или английское судно. Однажды завидели довольно большое судно и велели править на него. Между тем зарядили наши шесть пушечек, приготовили абордажное оружие и, вооруженные отвагой, с сложенными назад руками, стали смотреть на чужое судно [Там же, с. 410].

Первым на указанное несоответствие обратил внимание Б. М. Энгельгардт, говоря о том, что описание Гончарова сильно расходится с действительной историей плавания и на книгу очерков надо смотреть не как на документальное свидетельство, а как на литературное произведение [Энгельгардт, с. 251].

Очевидна неслучайность переработки писателем материала: все-таки художник в Гончарове преобладал. Ему важно было подчеркнуть не фактическую сложность и драматизм путешествия, а впечатления, оценки. Это интересно проявлено на уровне поэтики: при характеристике художественной составляющей текста актуализируются, например, пушкинские аллюзии. А. В. Дановский полагает, что с помощью пушкинских цитат писатель расширяет границы прозаического словоупотребления и окрашивает явления поэтическим ореолом, образы обретают неожиданную выразительность [Дановский, с. 15–16]. Документальный же пласт повествования уходит корнями в карамзинские образцы, взаимодействие с которыми, считает Е. А. Краснощекова, построено на отталкивании [Краснощекова, 1992, с. 16]. Сам писатель в автокритической статье «Лучше поздно, чем никогда» принципиально разводил эти два понятия: «... художественная правда и правда действительности – не одно и то же. Явление, перенесенное целиком из жизни в произведение искусства, теряет истинность действительности и не станет художественною правдою <...> В этом и заключается процесс творчества» [Гончаров, т. 3, с. 402–403]. О том же сообщает в письме приятелю М. Н. Каткову от 21 апреля 1857 г., что он «умышленно, иногда даже с трудом, избегал фактической стороны и ловил только артистическую, потому что писал для большинства, а не для академиков» [Там же, с. 477]. При этом Е. А. Краснощекова считает, что преобладание эстетической задачи над фактической противопоставляет Гончарова и его сочинение чуть ли не всей предшествующей традиции путевых очерков [Краснощекова, 1997, с. 134].

Преобладание художественного над документальным было очевидно первым рецензентам

книги очерков и нашло свое отражение в статьях А. Дружинина, С. Дудышкина, М. Де-Пуле, Д. Писарева и др. А современный исследователь В. А. Недзвецкий, вообще, считает «Фрегат...» особым видом романа – географическим [Недзвецкий, с. 43]. Однако традиция восприятия текста Гончарова быстро меняется: по замечанию Т. И. Орнатской, современники сами собой оказались в заблуждении, не сумев разделить художественный и документальный дискурсы повествования, поскольку по книге Гончарова стали судить о самом походе, то есть читать художественный текст как документальный.

Первоначально «Фрегат „Паллада“» издается фрагментами: часть – «Ликейские острова» – публикуется в журнале «Отечественные записки» в 1855 году. Кроме того, с 1855 по 1857 гг. очерки печатаются в «Современнике», «Русском вестнике», «Морском сборнике» и «Библиотеке для чтения». Критика и публика читает их с большим интересом. Поддерживаемый благожелательными читательским откликами, Гончаров решается сначала на издание книги отдельным томом (1858, изд. А. И. Глазунов), затем в 1862 и 1879 гг. (изд. И. И. Глазунов). В Полном собрании сочинений «Фрегат...» опубликован в 1884 и 1886 гг. (изд. И. П. Пожалостин).

Публикации «Фрегата...» продолжают в течение почти 30 лет, вплоть до 1886 года, в изданиях 1879 и 1886 гг. Гончаров вносит особенно значительное количество исправлений, оставляя практически нетронутой фактическую основу текста (см. об этом: [Пинженина, 2009], [Пинженина, 2011]). В данном контексте нас не интересует сокращение или стилевая правка, совершенствование произведения маститым писателем. Мы хотим подчеркнуть особую правку, которая объективирует повествование, снижая его эмоциональность, артистичность, убирая Я-высказывания и часть собственных впечатлений, благодаря чему происходит некоторое обратное сближение художественного текста и документа не столько в фактическом смысле, так как изымаются автобиографические факты в пользу фактов, касающихся путешествия в целом, сколько по характеру повествования – оно становится более строгим.

Первая группа исправлений касается изъятия или нейтральной замены имен лиц, близко знакомых Гончарову. Дважды это связано с личностью Евгении Петровны Майковой (ей и Н. А. Майкову была адресована значительная часть писем из кругосветного плавания): после темпорального указания «24-го, в сочельник» изначально следовало разъяснение «и в ваши именины, Е<вгения> П<етровна>» [Гонча-

ров, т. 3, с. 229]. Также убрано из поздних публикаций сравнение «как пожил мой земляк, П. В. А<нненков>» [Там же, с. 231], а обращение «мой друг Ю<ния> Д<митриевна>» заменено безличным «мой прекрасный друг» [Там же, с. 230]. Обратим внимание, что имена были обозначены во «Фрегате...» только инициалами, но даже это Гончаров нашел излишним.

Книга очерков «Фрегат „Паллада“» насыщена сопоставлением видимого повествователем во время путешествия и оставленного на родине русского. Исключаются, например, строки сравнения русского и восточного типов просвещения:

Не скучно ли видеть столько залогов, природных сил, богатства, всяких даров в неискusstных руках, столько отступлений от... чего? От наших обычаев, просвещения, сказал бы я, но не скажу, потому что есть немало защитников китайско-японского просвещения [Там же, с. 259].

Далее писатель, напротив, указывает скорее на сходство, нежели различие в публичном поведении русских и японцев. Это описание также исключается из поздних публикаций:

По их обычаям считается не совсем приличным высказывать удивление: и у нас, кажется, тоже? какая тонкая светская черта! [Там же, с. 261].

Убирается при редактировании текста и такой пассаж о шанхайских носильщиках: *всматриваюсь в ящички – знакомая физиономия: это чай* [Там же, с. 276]. О чаепитии же в Шанхае:

Где бы, кажется, и пить чай, как не здесь? Да разве этот черный, горький настой похож на тонкий, ароматический напиток, который пьет вся Русь, начиная от ямщика до избалованного барина? [Там же, с. 278].

Обнаруживается и исключенный из последних публикаций образ Петербурга, возникший при описании Нагасакского залива:

«Правда, – думал я, расхаживая в 9 часов вечера по палубе в летнем шерстяном пальто. В Петербурге этого и в июле месяце не сделаешь» [Там же, с. 281].

Второе изъятие образа, семантически связанного с Петербургом, выявляется в связи с описанием столицы Чуди в главе «Ликейские острова»:

Я вспомнил опять нижний петергофский сад: и тут такой же сад внизу, с банианами, кедрами... [Там же, с. 290].

Наряду с исключением имен друзей и ассоциаций с русским колоритом, еще одна группа исправлений – снижение сатирического звучания высказывания повествователя – наиболее заметна во «Фрегате...» и проста для интерпретации: его мнение становится нейтральнее, приобретает пафос объективности. Исключает писатель следующий слишком бесцеремонный пассаж из ироничного диалога героя-повествователя и денщика Фаддеева о японцах:

«Да, ты прав: японцы, действительно, на кур походи», – заметил я. Фаддеев зорко, стороной, поглядел на меня, ничего не сказал, но, вероятно, не преминет на баке или в жилой палубе, в своей компании, дать надлежащий толк и вес моим словам [Там же, с. 259].

Гончаров значительно корректирует главы, относящиеся к пребыванию команды русского фрегата в Японии. При описании переговоров с японской стороной:

Тут же показали им (японцам. – *Е. Ш.*) кстати Россию и Японию. Увидев, как последняя мала, они добродушно стали хохотать [Гончаров, т. 2, с. 326].

Вплоть до издания 1862 года далее следовала ремарка повествователя: *нет, решительно японцы не так глупы, надуты и смешны, как о них говорят* [Гончаров, т. 3, с. 260]. Также изымаются строки, описывающие нерешительность японцев – принять или не принять русских послов:

Пусть: да ведь это все равно что всем японцам брюхи разрезать себе! Как же нарушить вдруг законы, обычаи, низойти с высоты крайневосточной японской гордости? [Там же, с. 266].

Вносит изменение Гончаров и в такое высказывание, относящееся к якутке (глава «Обратный путь через Сибирь»): до 1862 г. она описана как *существо, похожее больше на поставленную на задние ноги корову*, после 1879 г. – *существо, всего меньше похожее на женщину* [Там же, с. 315]. Вероятнее всего, такие высказывания были позволительны для героя Гончарова 1850–60-х годов, но стали невозможными для зрелого человека и известного писателя. Этот пример демонстрирует одновременно и существующий люфт между нарратором и конкретным автором, и зависимость первого от второго: за все время литературной жизни «Фрегата...» его герой-повествователь не должен был ни повзрослеть, ни остепениться, ни стать более мудрым и сдержанным, но это должно было про-

изойти с Гончаровым-человеком. И те изменения, которые претерпевает речевое поведение повествователя, являются отражением в тексте новых черт авторской личности.

Писательская правка продолжается в направлении изъятия из текста книги очерков эмоциональных восклицаний, характеризующих рассказчика как открытую, впечатлительную натуру. Гончаров убирает восклицания повествователя, например, при характеристике пейзажей Капской колонии (глава «На мысе Доброй Надежды»): *А внизу какая картина!* [Там же, с. 243] или *Прекрасно, благотворно, живоительно!* [Там же, с. 243]. Последовательное от издания к изданию снижение образности, «избыточности» высказываний ведет к коррекции характера повествователя, он явно становится более сдержанным. Первый пример относится к описанию девственных лесов острова Ява (*почти не касался этих чудес / почти не касался их* [Там же, с. 247]), второй – вечера, проведенного на острове (*роскошный, обаятельный праздник, пириество / роскошное, обаятельное пириество* [Там же, с. 248]), третий – уже к характеристике китайцев (*как будто несут что-нибудь на голове и боятся разбить / как гордо держат голову* [Там же, с. 249]).

В 1870-е годы происходит уменьшение языковой пестроты текста книги очерков в целом, связанное не только со стиливым совершенствованием, но и, думается, с изменением характера повествователя. Так, более сдержанным становится, например, описание острова Явы: до 1862 г. Было:

Купы пальм так необыкновенно гармонируют с кустами – там прижались друг к другу, а там, как будто с умыслом оставлена лужайка [Там же, с. 247].

С 1879 г.:

Тут пальмы, как по обдуманному плану, перемешаны с кустами; там, будто тоже с умыслом оставлена лужайка [Там же].

Убирает писатель и слова, вовсе не кажущиеся лишними. Изменения в совокупности делают стиль повествования более сдержанным, строгим. Все приводимые далее изменения касаются периода 1870-х годов:

До 1870-х гг.

«мы тихонько воротились»
«сильно, нескромно, дерзко»
«Вы ослеплены, оглушены, объятаы»

После 1870-х гг.

«мы воротились» [Гончаров, т. 3, с. 234];
«сильно, дерзко» [Там же, с. 235];
«Вы ослеплены, объятаы» [Там же];

«ослепленные, оглушенные, уничтоженные»
«и боязненно умолкаю»
«мимо безмолвных джонок»
«спастись от разрушительных действий климата»
«Все будто убрано заботливою и терпеливою рукою»
«лукаво и ласково заглянул»

«ослепленные, уничтоженные» [Там же];
«умолкаю»;
«мимо джонок» [Там же, с. 251];
«спастись от климата» [Там же, с. 254];
«Все, кажется, убрано заботливою рукою» [Там же, с. 247];
«лукаво заглянул» [Там же, с. 256].

Работая над очередными публикациями «Фрегата...», Гончаров снимает дополнительные характеристики восприятия нарратором окружающего мира. До 1858 года подробнее было описание жены заключенного африканского вождя Сейоло: *смугло-желтое, очень приятное, кроткое лицо, карие глаза, несколько томные* [Гончаров, т. 2, с. 238]. В дальнейших публикациях повествователь ограничивается следующим: *смугло-желтое лицо, темно-карие глаза* [Гончаров, т. 3, с. 246]. Заметим, что из текста изымаются именно оценочные определения, отражающие персональное отношение рассказчика к африканке.

В некоторых случаях редактирование текста в режиме упрощения языка приводит к кардинальному изменению смысла всего фрагмента. Описывая путешествие повествователя и его спутников вглубь Капской колонии, автор останавливается на таком эпизоде – перед обедом девица, дочь хозяев дома, соглашается спеть перед гостями:

Не спрашивайте, хорошо ли она пела. Скажу только, что барон, который сначала было затруднялся, по просьбе хозяек, петь, смело сел, и, Боже мой, как и что он пел! Только и позволительно петь так перед обедом, с голоду, и притом... [Гончаров, т. 2, с. 196].

Далее в публикации «Морского сборника» следовало *в африканских пустынях, куда еще не проник свет искусств* [Гончаров, т. 3, с. 242]. Начиная со следующей публикации, Гончаров оставляет только *в Африке*, тем самым затушевывая откровенную иронию эпизода.

Обширная группа изменений, внесенных писателем, касалась замены Я-конструкции на безличную форму с отсутствием субъекта действия. До 1858 г. в описании прибытия к мысу Доброй Надежды было:

Я смотрел на эти исполинские скалы, почти совсем черные от ветра, которые как зубцы громадной

крепости, ограждают южный берег Африки [Там же, с. 235].

Начиная с публикации 1862 г., синтаксическая конструкция становится безличной:

Исполинские скалы, почти совсем черные от ветра, как зубцы громадной крепости, ограждают южный берег Африки [Гончаров, т. 2, с. 126].

Подобные примеры многочисленны, и все приведенные примеры, число которых может быть увеличено, свидетельствуют о неслучайности подобного рода исправлений: замена личной формы на безличную провоцирует изменение стиля повествования в сторону более строгого, сдержанного, объективного, а фигура нарратора тем самым меньше привлекает к себе внимание.

Исключает Гончаров и некоторые выражения своего отношения, суждения. Например, будучи в гостях у голландского фермера, на Капе, в Африке и описывая нежелание хозяев начинать разговор, повествователь комментировал:

Старина, старина во всем, не голландская, не немецкая, а всеобщая старина, с ее мирной, прекрасной, патриархальной стороной! [Гончаров, т. 3, с. 241].

Начиная с 1879 года, этот комментарий исключается. Или, сидя за ужином в «London hotel» в Сингапуре, повествователь рассуждает о красоте англичанок:

<...> в этой красоте было чересчур много спокойствия, почти гордости, влекущей и вместе отталкивающей недоступностью, что характеризует красоту англичан, особенно англичанок. В английской женщине не видать страсти: это богиня, которая, кажется, может осчастливить смертного, осыпать его дарами – не по увлечению, не с жаром, без упоения, а стыдливо и покойно, только по сознанию написанной ей на роду обязанности... [Там же, с. 251].

В издании 1879 года и последующих этот пассаж полностью отсутствует.

Наиболее сложными для интерпретации, но и показательными для решения поставленной задачи являются исправления, благодаря которым происходит изменение характера переживания, оттенка эмоции: например, в самом начале путешествия повествователь, предчувствуя, роскошь впечатлений, пишет:

Я радостно содрогнулся при мысли: я буду в Китае, в Индии, переплыву океаны, ступлю ногою на те острова, где гуляет в первобытной простоте дикарь,

посмотрю на эти чудеса – и жизнь моя не будет праздным отражением мелких, надоевших явлений [Гончаров, т. 2, с. 10].

До 1962 года этот пассаж начинался словами:

Я опять сладострастно содрогнулся [Гончаров, т. 3, с. 227] (здесь и далее разрядка наша – Е. Ш.).

Подобная же замена происходит при описании службы в Вестминстерском аббатстве, в Лондоне:

Фантастическое освещение цветных стекол в стрельчатых окнах, полумрак по углам, белые статуи великих людей в нишах и безмолвная, почти недышащая толпа молящихся – все это образует одно общее, грандиозное впечатление, от которого долго слышится какая-то музыка в нервах [Гончаров, т. 2, с. 42].

Грандиозное впечатление от описываемой картины автор заменяет с 1879 года более раннее *страстное впечатление* [Гончаров, т. 3, с. 229]. Следующий пример типовой замены относится уже к «Плаванию в Атлантических тропиках»: <...> скажите, как назвать этот нежный воздух, который, как теплые волны, омывает, нежит и лелеет вас [Гончаров, т. 2, с. 121] вместо изначального *этот теплый, нежный воздух, который, как страсть, сладостно, но могуче проникает в организм* [Гончаров, т. 3, с. 234]. В описании прогулки путешественников вокруг Львиной горы на мысе Доброй Надежды есть такой пассаж:

Мы закурили сигары и погрузились взглядом в широкую, покойно лежавшую перед нами картину, горячую, полную жизни, игры, красок! [Гончаров, т. 2, с. 229].

В публикациях по 1962 год присутствовало еще одно слово – *полную жизни, страсти, игры* [Гончаров, т. 3, с. 245]. Отметим, что в приведенных примерах (перечень которых возможно расширить) исключается категория «страстности». Действительно, образ самого Гончаров в расхожем представлении современников никак не вязался с определением «страстный». Следовательно, приведенные нами примеры являются маркером, указывающим на наличие важных «сторон» личности писателя, ставящих под сомнение стереотипы восприятия личности Гончарова и чаще всего выпадающих из поля зрения исследователей.

Вероятнее всего, новые эпитеты оказались писателю более точными. Вообще же, характер гончаровской правки указывает на «снятие»

силы, выразительности эмоций: характерный пример представляет собой описание заката в Атлантических тропиках:

Пусть живописцы найдут у себя краски, пусть хоть назовут эти цвета, которыми угасающее солнце окрашивает небеса! Посмотрите: фиолетовая пелена покрыла небо и смешалась с пурпуром; прошло еще мгновение, и сквозь нее проступает темно-зеленый, яшмовый оттенок... [Гончаров, т. 2, с. 122].

В публикациях до 1862 года включительно подчеркнутое определение было иным, более выразительным: *проступает болезненно-зеленый* [Гончаров, т. 3, с. 235].

Очевидно, что правка, проведенная писателем между публикациями 1862 и 1879 годов, была существенной и в целом свидетельствует о некотором нивелировании образности, выразительности, эмоциональности ряда определений, эпитетов. Однако многочисленные изменения текста «Фрегата...» от публикации к публикации не ограничиваются стилевым усовершенствованием произведения. Исключение из текста Я-высказываний, Я-предложений, описаний эмоций повествователя, эпизодов, раскрывающих его внутренний мир, на уровне языка ведет к движению текста в сторону обезличенности повествования, повышению объективности описаний, происходит изменение характера повествования в целом.

Подводя итог, скажем, что книга очерков с точки зрения проявления в ней документального и художественного планов является, во-первых, сложно устроенной, во-вторых, «подвижной». Создаваясь на основе писем и официальных документов, то есть являясь документальной в своей основе, она стала без сомнения художественным, а со временем, напротив, характер повествования сдвигается автором в направлении более объективного дискурса.

Список литературы

- Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1960. 367 с.
- Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / гл. ред. В. А. Туниманов. СПб.: Наука, 1997. Т. 2. 1997. 746 с. Т. 3. 2000. 848 с.
- Гуськов С. Н. Любимое дитя Гончарова: Книга очерков «Фрегат „Паллада“» // Литература в школе. 2003. № 5. С. 9–14.
- Дановский А. В. Пушкинские поэтизмы в эпопее И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“» // Родная речь. 2004. № 3. С. 10–16.
- И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1969. 520 с.

Краснощечкова Е. А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 444 с.

Краснощечкова Е. А. «Фрегат „Паллада“»: «Путешествие» как жанр (Н. М. Карамзин и И. А. Гончаров) // Русская литература. 1992. № 4. С. 12–31.

Недзвецкий В. А. «Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова: загадка жанра // Известия Рос. АН. Серия «Литература и язык». 1993. Т. 52. № 2. С. 43–55.

Орнатская Т. И. Примечания // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / гл. ред. В. А. Туниманов. СПб.: Наука, 2000. Т. 3. 854 с.

Пинженина Е. И. Мир в герое и герой вне мира: эволюция точки зрения героя-повествователя в книге очерков «Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22 (160). Выпуск 33. «Филология. Искусствоведение». С. 92–96.

Пинженина Е. И. Автор и герой в художественном мире И. А. Гончарова (структура текста и типология характеров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2011. 24 с.

Туниманов В. А. Примечания // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / гл. ред. В. А. Туниманов. СПб.: Наука, 2000. Т. 3. С. 467–474.

Шадрин М. Г. Эволюция языка «путешествий»: дис. ... докт. филол. наук. М., 2003. 396 с.

Энгельгардт Б. М. «Фрегат „Паллада“» // Энгельгардт Б. М. Избранные труды. СПб.: изд-во СПб. ун-та, 1995. С. 225–269.

References

- Alekseev, A. D. (1960). *Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Goncharova* [The Chronicle of I. A. Goncharov's Life and Work]. 367 p. Moscow-Leningrad, izd-vo AN SSSR. (In Russian)
- Danovskii, A. V. (2004). *Pushkinskie poetizmy v epopee I. A. Goncharova "Fregat "Pallada"* [Pushkin's Poeticisms in I. A. Goncharov's Epic "Frigate "Pallada"']. *Rodnaia rech'*. No. 3, pp. 10–16. (In Russian)
- Engel'gardt, B. M. (1995). "Fregat "Pallada" ["Frigate "Pallada""]. Engel'gardt B. M. *Izbrannye trudy*. Pp. 225–269. St. Petersburg, izd-vo St. Petersburg un-ta. (In Russian)
- Goncharov, I. A. (1997, 2000). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Collection of Works and Letters]. V 20 t., gl. red. V. A. Tunimanov. T. 2, 746 p. T. 3, 848 p. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)
- Gus'kov, S. N. (2003). *Liubimoe ditia Goncharova: Kniga ocherkov "Fregat "Pallada"* [Goncharov's Beloved Child: The Book of Essays "Frigate "Pallada"']. *Literatura v shkole*. No. 5, pp. 9–14. (In Russian)
- I. A. Goncharov v vospominaniakh sovremennikov (1969) [I. A. Goncharov in the Memoirs of His Contemporaries.]. 520 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)
- Krasnoshchekova, E. A. (1992). "Fregat "Pallada": "Puteshestvie" kak zhanr (N. M. Karamzin i I. A. Goncharov) ["Frigate "Pallada": "Travel" as a Genre (N. M. Karamzin and I. A. Goncharov)]. *Russkaia literatura*. No. 4, pp. 12–31. (In Russian)

Krasnoshchekova, E. A. (1997). *Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva* [Ivan Aleksandrovich Goncharov: The World of Creative Work]. 444 p. St. Petersburg, Pushkinskii fond. (In Russian)

Nedzvetskii, V. A. (1993). "Fregat "Pallada" I. A. Goncharova: zagadka zhanra ["Frigate "Pallada" by I. A. Goncharov: A Genre Riddle]. *Izvestiia Ros. A N. Serii "Literatura i iazyk"*. T. 52. No. 2, pp. 43–55. (In Russian)

Ornatskaia, T. I. (2000). *Primechaniia* [Notes]. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 20 t., gl. red. V. A. Tunimanov*. T. 3, 854 p. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)

Pinzhenina, E. I. (2009). *Mir v geroe i geroi vne mira: evoliutsiia tochki zreniia geroia-povestvovatel'ia v knige ocherkov "Fregat "Pallada" I. A. Goncharova* [The World inside the Hero and the Hero outside the World: Evolution of the Protagonist-Narrator's Viewpoint in the Book of Essays "Frigate "Pallada" by I. A. Goncha-

rov]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. "Filologiya. Iskusstvovedenie"*. Vypusk 33, No. 22 (160), pp. 92–96. (In Russian)

Pinzhenina, E. I. (2011). *Avtor i geroi v khudozhestvennom mire I. A. Goncharova (struktura teksta i tipologiya kharakterov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Author and the Protagonist in I. A. Goncharov's Fictional World (the structure of the text and typology of characters): Ph.D. Thesis Abstract]. 24 p. Krasnoyarsk. (In Russian)

Shadrina, M. G. (2003). *Evoliutsiia iazyka "puteshestvii": dis. ... dokt. filol. nauk* [The Evolution of the "Travel" Language: Doctoral Thesis]. 396 p. Moscow. (In Russian)

Tunimanov, V. A. (2000). *Primechaniia* [Notes]. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 20 t., gl. red. V. A. Tunimanov*. T. 3, pp. 467–474. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 30.09.2018

Поступила в редакцию 30.09.2018

Шевчугова Екатерина Игоревна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Сибирский федеральный университет,
660041, Россия, Красноярск,
пр. Свободный, 79.
e.pinzhenina@gmail.com

Shevchugova Ekaterina Igorevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Siberian Federal University,
79 Svobodnyi Str.,
Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation.
e.pinzhenina@gmail.com